

Вероника Тушнова
Кукла

*Много нынче в памяти потухло,
а живет безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных путях.*

*Над платформой пар от паровозов
низко плыл, в равнину уходя...
Теплый дождь шушукался в березах,
но никто не замечал дождя.*

*Эшелоны шли тогда к востоку,
молча шли, без света и воды,
полные внезапной и жестокой,
горькой человеческой беды.*

*Девочка кричала и просила
и рвалась из материнских рук,—
показалась ей такой красивой
и желанной эта кукла вдруг.*

*Но никто не подал ей игрушки,
и толпа, к посадке торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся грязь.*

*Маленькая смерти не поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
дотянулась до нее война.*

*Некуда от странной мысли деться:
это не игрушка, не пустяк,—
это, может быть, обломок детства
на железных скрещенных путях.*

1943

В память о собаках войны

Сергей Ерошенко

Сколько сказано слов.

Может чья-нибудь муза устала

Говорить о войне

И тревожить солдатские сны...

Только кажется мне,

До обиды написано мало
О собаках- бойцах,
Защищавших нас в годы войны!

Стёрлись в памяти клички.
Не вспомнить теперь и мордашку.
Мы, пришедшие позже,
Не знаем совсем ничего.
Лишь седой ветеран
Ещё помнит собачью упряжку
В медсанбат дотащившую
С поля боя когда- то его!

Связки мин и гранат
Относили собаки под танки.
Защищая страну
И солдат от нависшей беды.
После боя бойцы
Хоронили собачьи останки.
Только нет там теперь
Ни холма, ни креста, ни звезды!

Батальон окружён,
Ни еды, ни снарядов, ни связи.
Свистопляска вокруг
И осколков и пуль круговерть.
С донесением псы
Пробирались и близили праздник.
Всем, даруя свободу,
А себе, зачастую, лишь смерть.

И собачья честь
Не замарана подлым предательством!
Жалким трусом из псов
Не отметил себя ни один!
Воевали они
Без присяги, но всё ж с обязательством
Вместе с Армией Красной
Уничтожить фашистский Берлин.

И когда в майский день
На могилы приходим святые.
И святое храня
Мы минуту молчанья стоим.
То пускай эта дань

И огонь, и цветы полевые
Будут памятью светлой
Будут скромной наградой и им!
ГЕРОЯМ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ.....

[Галина Веккер](#)

Вот Крепость Брестская. Где вход большой звездой
В граните высечен он монолитом.
Бои кровавые... и мало кто живой
Остался там, а в основном убиты...

Как капли крови на земле там фонари,
Что снизу красным отблеском пылают.
Там каждый камень не молчит, а говорит,
Там каждый камень слёзы проливает...

Там постамент есть, где ползёт боец к реке.
Он "Жажда" называется. И к Бугу
Сквозь бой ползёт солдат и в трепетной руке
Сжимает каску. Нужна помощь другу.

Направо там есть церковь, сбиты купола
И кровь сочится до сих пор, как память.
Прощанье с Родиной и боль в таких словах:
Несдача в плен, где Родина за нами.

У Западных ворот, что в крошево смели,
Все кирпичи на кладке сохранили
Страшнейшие бои. Как выстоять смогли,
Как бились, погибали и любили...

Там казематы в подземельях все в крови -
Из ран бойцов недавшихся хлестала.
Там плавился кирпич от пламени. В пыли
Лишь пепла след что намело немало.

Да стойкость несравнима,- мужества следы
Не все, конечно, сохранились ныне.
Во славу павших мальчиков седых -
Мы красного вина бокал поднимем.

Помянем всех. Пусть память не померкнет,
Сквозь годы подвиг этот не забудем.
У той войны, что Молох взявши в жертву,
Гранитом были не простые люди.

Они - Герои! Хоть мальчишки с виду.
Осыплем каждый камень мы цветами.
На их местах молоденькие гиды
Ведут туристов между фонарями.

Что каплями крови горят из-под земли,
Как будто кровь тех мальчиков пылает -
Напоминаям всем, чтоб память берегли.
Они с небес за нами наблюдают.....

СТЯГ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Степан Гаврусев

Не раз,
Не второй
И не сотый
От крепости немец отбит.
Уже как пчелиные соты
Все стены, а крепость - стоит.
Ну, кто там, ну, кто там остался?
Форты разбомбили дотла
И доты... А стяг не шатался,
А стяг не окутала мгла!

Убьет знаменосца осколком,
Но стяг подымает другой.
Полотнище алого шелка
Пылает над Бугом-рекой.
Но кровью. горячею рдели
Все новые раны на нем.
Ряды знаменосцев
Редели
Под шквальным
кинжальным
огнем.

И шли напролом самоходки,
Горели земля и кусты...
Бинтов не хватало -
обмотки
Пришлось разорвать на бинты.
Воды - по глоточку,
Но каждый
«Максиму» ее отдает,
Чтоб не задохнулся от жажды,
Чтоб жил,
Чтоб служил

Пулемет.

Пусть сил не хватает поправить
Повязку и кровь утереть,
Пока есть патроны -

не вправе

Никто из бойцов умереть.
А тучка плывет над лесами...
Эх, если б свернула сюда!
Патроны взрываются сами
В стволе...

Докипела вода...

А где-то колышутся вишни,
И птицы поют на вербе...
Патроны последние вышли,
А самый последний -
себе.

Последний защитник свалился,
Упал на лафет
и - замолк.

И тихо над ним опустился
Пробитый осколками
Шелк.
Но только земли он коснулся -
От кожуха вспыхнул огнем
И в дымное небо рванулся.
А враг

налетел вороньем.

И огненный стяг сапогами
Тупыми хотел затоптать,
Но это высокое пламя
Ему никогда не достать.
Куражится черная стая,
Но ей не сносить головы!
Полотнище -
Ширь небокрая,
А древко -
До самой Москвы!
Сомкнулись зеленые кроны
Над теми,

кто в смертном бою

Не жизнь сохранял,
а патроны,

И верил
в победу свою.

Блокадный подарок

Лариса Семиколенова

Пусть в доме будет чисто и светло.
И пусть любовь сердца оберегает.
И хлеб и соль за праздничным столом
По праву своё место занимают.

И уважаем будет тот народ,
Кто сохранил рецепты вековые,
И пусть чурек , лепёшку он печёт
Иль каравай горячий с пЕчи вынет.

Богат, разнообразен, многолик
Мир хлеба на прилавке в магазине.
Кто бородинский чёрный есть привык,
А, может, рижский выберут другие.

Бывает, что кусок не доедим
И голубям на корм отправим крошки.
Но голод лишь однажды пережив,
Опять блокаду вспомнят, как нарочно.

Меня одна растрогала до слёз
История в блокадном Ленинграде:
Двум девочкам однажды довелось
Бесценную доставить маме радость.

Не розы, не духи, не шоколад -
Но был подарок этот всех важнее:
От скудной паечки три дня подряд
Кусочек маме отделять сумели.

И, спрятав от самих себя наверх,
Хоть съесть его хотелось им до дрожи,
Свою любовь в Международный день
Приподнесли на маленьких ладошках...

Пусть никогда не будет больше войн!
Пусть голод не придёт в твои селенья!
Пусть будет хлеб! Всего дороже он.
И перед ним склоняю я колени.

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую – слов даже нет!
Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентяя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.
Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровую двойкой дневник «украшал»,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.
Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры –
Все – сказка, все в дымке, как снежные горы...
Пусть так, возвратимся – оценим вдвойне!
Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки...
За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры –
Ты здесь, ты со мной, родная моя!
В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.
И чем бы в пути мне война не грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой уйду!

К.Симонов «Жди меня»

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест

Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло»
Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой

Андрей Дементьев

Письмо отца

Я читаю письмо, что уже пожелтело с годами.
На конверте в углу номер почты стоит полевой.
Это в сорок втором мой отец написал моей маме
Перед тем, как идти в свой последний, решительный бой.
Дорогая моя, на переднем у нас передышка.
Спят в окопах друзья, тишина на крутом берегу...
Дорогая моя, поцелуй ты покрепче сынишку.
Знай, что вас от беды я всегда берегу.
Я читаю письмо. И как будто всё ближе и ближе
Тот тревожный рассвет и биенье солдатских сердец.
Я читаю письмо. И сквозь годы отчётливо слышу
Я сейчас те слова, что сказал перед боем отец.
Я читаю письмо. А за окнами солнце смеётся,
Начинается день. И сердца продолжают любить.

Я читаю письмо. И уверен, что если придётся,
Всё, что сделал отец, я сумею всегда повторить.

Михаил Исаковский

Русской женщине

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым,
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим...
Рубила, возила, копала, -
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.
Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.
И воин, идущий на битву,
И встретить готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

Ю. Друнина

БАЛЛАДА О ДЕСАНТЕ

Хочу, чтоб как можно спокойней и суше
Рассказ мой о сверстницах был...
Четырнадцать школьниц - певуний, болтушек -
В глубокий забросили тыл.

Когда они прыгали вниз с самолета
В январском продрогшем Крыму,
"Ой, мамочка!" - тоненько выдохнул кто-то
В пустую свистящую тьму.

Не смог побелевший пилот почему-то
Сознание вины превозмочь...
А три парашюта, а три парашюта
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Оставшихся ливня укрыла завеса,
И несколько суток подряд
В тревожной пустыне враждебного леса
Они свой искали отряд.

Случалось потом с партизанками всяко:
Порою в крови и пыли
Ползли на опухших коленях в атаку -
От голода встать не могли.

И я понимаю, что в эти минуты
Могла партизанкам помочь
Лишь память о девушках, чьи парашюты
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Бессмысленной гибели нету на свете -
Сквозь годы, сквозь тучи беды
Поныне подругам, что выжили, светят
Три тихо сгоревших звезды..

Ю.Друнина

Бинты

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем - так учили нас.
Одним движеньем - только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: "Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться - беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки".
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.
Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймёшь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

Ю.Друнина

Зинка

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы.-
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.

...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

Муса Джалиль Варварство

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,--
Прижались к матерям, цепляясь за подолаы.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
-- Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! --
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
-- Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? --
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
-- Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты
вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.--
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,

Две жизни и одна любовь!
Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

1943

*Люди! Покуда сердца стучатся,
Помните!*

*Какой ценой завоёвано счастье,
Пожалуйся, помните!*

*Песню свою, отправляя в полёт,
Помните!*

*О тех, кто уже никогда не споёт,
Помните!*

Р. Рождественский